

ранним и главным, предметом изучения людей, от скольких болезней физических и нравственных предохранит это изучение! Меньшая дочка моя, кажется, еще милее всех⁵. Прощай, обнимаю тебя, будь здорова. 8-го мая мы вспоминали тебя и Кет(чера)⁶ и пили за ваше здоровье. Если много не можешь, так хоть сколько можешь пиши мне о всех.

К Natalie я писала так, как чувствовала тогда⁷, смешно, сколько юности в такой старости! Я безумно люблю Natalie, безумно верю в нее и была безумна, когда писала к ней, но она умно сделала, что не поехала⁸, вероятно, я проживу еще долго. Как бы хотелось от нее письма! Пусть ленится⁹, видно, хорошо ей на свете, я радуюсь. Два года стоит у нас микроскоп О(гарева), узнай от них, куда или кому его послать¹⁰...

Сер(гею) Ив(ановичу) дружески жму руку, не надо унывать, авось ли прояснит. А что Никифор?

Ал(ександр) pošлет тебе уж из Пар(иж)а сколько можно¹¹.

¹Письмо от 22/10 мая (см. РГБ, ф. 69.9.14).

²Астракова писала о своем бедственном материальном положении и просила о денежной помощи. Ее ответное письмо к Герценам с благодарностью за выручку см. в РГБ, ф. 69.9.15.

³Речь идет о высылке Герцена из Ниццы, входившей тогда в состав Пьемонтского королевства.

⁴К. Фогт.

⁵Оле в это время было шесть месяцев.

⁶8 мая 1838 г. – день “похищения” Герценом невесты при содействии Н.Х. Кетчера и Астраковой.

⁷Астракова в письме от 22/10 мая писала: “Я понимала тебя, как мне казалось, всегда лучше других, и понимала верно; но теперь меня поставило в тупик твое письмо к Natalie; когда Огарев мне рассказал его содержание, я испугалась, я не поверила тому, что ты это писала для того, чтобы вызвать на свидание, – ты слишком прямо, ты не употребишь уловок (...) твое последнее письмо ко мне несколько успокоило меня, но все еще оно беспокоит меня” (РГБ, ф. 69.9.14).

⁸Тучкова не могла приехать в Ниццу, т.к. после ареста Огарева и ее отца (в феврале 1850 г.) получение визы было почти невозможно. Она намекала на это в письме от сентября 1851 г.: “Теперь вы получили мои письма, вы поняли мое безгласное положение, мое рабство, прикрытое свободой, вы поняли, как я стремилась к вам и как все было тщетно; нет, вы не могли думать, что мое благоразумие меня остановило; вся моя жизнь противоречит этим предположениям (“Лит. наследство”, т. 61, с. 796 с приблизительной датой 1850–1851 гг.).

⁹Н.А. писала Астраковой 22/10 мая: “Огар(ев) и Natalie со мной хороши, но они в деревне и ленивы писать” (РГБ, ф. 69.9.14).

¹⁰Астракова сообщала в ответном письме: “К Natalie и О(гареву) писала на другой же день, и о микроскопе, и о твоей горячей безумной любви” (РГБ, ф. 69.9.15). Огарев отвечал Герценам в (сентябре (?) 1851 г.): “Микроскоп оставьте у себя. Мне не хочется его ожидать, я хочу, чтоб он меня ждал. Покамест здесь обзаведусь другим и провожусь с ним целую зиму” (“Лит. наследство”, т. 61, с. 795).

¹¹Герцен писал жене из Парижа: “Тат(ьяне) Алекс(еевне) тотчас по получении письма отослал 350 фр., да еще через Мар(ью) Каспар(овну) велел ей взять у Сатина в Москве 100 серебр.” (XXIV, 180). Астракова в письме от 1 января 1852/ 20 декабря 1851 г. сообщала: “Давно хотела тебе сказать за известие, что я так и не получила никакого ответа от Николая Михайловича по поводу 100 р. Даже лично его видела, и то ни слова, а мне было просто совестно” (РГАЛИ, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 589, л. 13об.).

Н.А. ТУЧКОВОЙ И ОГАРЕВУ

Публикация Ю.П. Благоволной

“Ты говоришь о Natalie – я не только люблю, влюблена в это существо (...) – писала Н.А. Герцен к Астраковой 6 декабря 1849 г. – Она слишком много дала мне счастливых минут своим появлением, своей любовью ко мне и тем, что заставила меня так любить себя”¹.

Герцены познакомились с семейством Тучковых в Риме, в декабре 1847 г.² Наталья Александровне в это время было 30 лет, ее младшей подруге – 19. Разница в возрасте не помешала им душевно сблизиться настолько, что Н.А. Герцен в последние годы жизни считала Натали Тучкову своей лучшей подругой³.

Ощущение душевной близости между подругами еще возросло, когда Наталья Алексеевна стала гражданской женой Огарева – человека, духовно столь близкого Герценам.

Публикуемые письма относятся к тому периоду, когда Тучкова и Огарев были уже вместе,

Н.А. ГЕРЦЕН С ДОЧЕРЬЮ ОЛЬГОЙ

Дагерротип. Ницца, 1851

Исторический музей, Москва

а Н.А. Герцен переживала увлечение Гервегом, потом разрыв с ним, а вслед за тем с трудом восстанавливала чуть было не рухнувшую жизнь семьи, пытаясь успокоить и "уврачевать" душевные раны мужа и найти для себя успокоение и смысл жизни в любви к детям, в жертвенном служении семье. Ее потребность в друге была тогда болезненно острой. Это понятно, потому что сколь бы ни был великодушен и чуток в это время муж, она не могла быть с ним ни в чем вполне откровенной, всегда боясь причинить ему лишнюю боль. Но и ее собственная боль должна была излиться перед кем-то сполна, а близкого друга рядом с ней в тот момент не было. И пусть очень неполно, урывками и в подтексте, но наиболее искренне настроения Н.А. Герцен "прорываются" в это время прежде всего именно в ее письмах к Натали Тучковой.

Любопытно, что, говоря о любви к подруге, Наталья Александровна часто проводит параллель между своим чувством к ней и чувством к Гервегу, объединяя их в своем сознании в нечто близкое, почти единое. Эта параллель удивляет в ее письме к мужу от 12 января 1850 г.⁴, но впервые она звучит за два месяца до того в письме к самой Н.А. Тучковой от 13 ноября 1849 г.: "Моя любовь, или, лучше, мое пристрастие, к тебе и Георгу – моя лебединая песнь (...) с окончанием пристрастия моего к вам – конец моей жизни" (п. 1). Причину же своей "безумной" любви⁵ к Н.А. Тучковой она видит прежде всего в ее любви к себе. "Любовь моя к Natalie – а больше ее любовь (да отчасти я и люблю ее так страшно за ее страсть ко мне) тоже переполняла", – пишет она мужу⁶. Эта фраза чрезвычайно важна для выяснения той психологической основы, на которой возникло ее увлечение Гервегом.

Потребность в любви, недостаток которой так остро ощущался в годы ее трудного, одинокого, “закупоренного” (п. 6) детства, оставалась и затем, на всю жизнь основной потребностью ее души. В годы юности ей выпало огромное счастье: не просто любовь, но и восторженное поклонение такого замечательного человека, как Герцен. В Москве она была окружена восхищенным почитанием его друзей. И она привыкла к этой атмосфере настолько, что вне ее чувствовала себя не вполне удовлетворенной в жизни. Глубокая привязанность мужа в ее внешнем проявлении, естественно, приобретала с годами все более спокойные и привычные формы, а экзальтированная натура Натальи Александровны была чужда спокойствию по самому строю своему. Ровной и спокойной любви мужа, их взаимной привязанности друг к другу, любви к детям ей было, как она откровенно признается в письме к Тучковой, “мало” (п. 6). Надо признать, что атмосфера восторгов и поклонения, окружавшая ее целый ряд лет, не прошла для нее бесследно, утвердив в ее сознании чрезвычайно высокую самооценку, которую она сама обозначает в письмах этого времени как “самолюбие” или “гордость” (п. 6), но которая точнее всего может быть определена словом “гордыня”. И болезненно осознанный ею после отъезда из России “дефицит” восторженной любви к ней был заполнен в ее душе сначала искренней привязанностью молодой Наташи Тучковой⁸, а затем мастерской инсценировкой возвышенной любви, разыгранной Гервегом, вполне опытным “сердцеедом” и хорошим психологом.

Она часто говорила вместе о Георге и Natalie, потому что оба они дарили ей множество ярких и счастливых настроений, связанных с сознанием их влюбленности в нее и боготворения ее личности. Иногда параллели между ними, возникающие в ее сознании, неожиданны до нелепости. “Георг похож на тебя, – пишет она подруге, – зол, несносен и ревнив, как ты” (п. 1). Совсем еще юная провинциальная девочка такой характеристикой искренне изумлена: “Отчего вы говорите, что Георг на меня похож, и зачем вы думаете, что я ревнива?”⁹ Наталья же Александровна вкладывает в эти слова ей одной только внятный смысл: “Георг любит так же безумно, как ты”. Ведь все перечисленные ею здесь качества Гервега важны для нее лишь как признаки страсти к ней.

Но жажда быть любимой всегда сочеталась в душе Натальи Александровны со страстным ответным чувством и с экзальтированной идеализацией личности любимых ею людей. К тому же любовь к Гервегу развивалась в ее душе в условиях смещения акцентов в ее настроении от озабоченности вопросами общественными, от признания безусловного примата интересов человечества над проблемами судьбы отдельной человеческой личности – к укореняющемуся в ее сознании все более и более социально-историческому *пессимизму*¹⁰. “Совершающаяся история – давно совершившееся для меня, я вижу за столетия вперед, стало, и тут нет интереса” (п. 1). “Что делается в *божьем мире* – о том мне говорить не хочется, как-то примелькались революции, возмущения, опошшились *liberté, égalité, fraternité*, все это пустяки”¹¹. Она все более сосредоточивается на своей внутренней жизни: “Хочу жить, жить своею жизнью, жить насколько во мне есть жизни; искать ее вне – пустяки, хотеть ее отдать (...) – тоже пустяки (...) надо жить сколько живет”¹². И она ищет опоры, общего смысла жизни в таком устройстве “частного”, которое служило бы прообразом, образцом идеального миропорядка в будущем.

Но в ее представление о полноценном человеческом бытии всегда входили необходимым компонентом яркость, богатство и интенсивность внутренней, эмоциональной жизни. И эту на время ослепившую ее яркость переживания она нашла в страсти Гервега, которого она, в силу благодетельства *своей* природы, наделяла всеми свойствами высшего и благороднейшего существа, искренне веря, что и его любовь к ней родилась из стремления к идеалу, совершенное воплощение которого он смог найти только в ней.

Крушение этой иллюзии было для нее страшным. Три последних из представляемых в этой публикации писем – единственные в своем роде психологические документы, раскрывающие всю глубину душевного смятения, охватившего Н.А. Герцен после разрыва с Гервегом, и воссоздающие настроения последнего года ее жизни.

Первое из них написано в один из самых “болевых” моментов ее биографии – весной 1851 г., когда в душе еще не вполне были порваны нити, соединяющие ее с Гервегом, хотя поведение его она сама уже с болью должна была признать недостойным.

Это письмо очень кратко. Оно содержит просьбу к Н.А. Тучковой немедленно приехать в Ниццу, с таким объяснением необходимости этого: “Легко может быть (так мне кажется), что я скоро умру. Мне многое нужно устроить. Ты мне можешь” (п. 4). Письмо наделало переполоху в России. Т.А. Астракова запросила более подробных объяснений происходящего, но получила столь же невнятный ответ: “К Natalie я писала так, как чувствовала тогда (...) Я безумно люблю Natalie, безумно верю в нее и была безумна, когда писала к ней, но она умно сделала, что не приехала, вероятно, я проживу еще долго”¹³.

Дело в том, что в подтексте этого письма – не болезнь, как подумала не на шутку встревоженная Астракова, – а мысль о самоубийстве. “Смерть, одна моя смерть казалась мне спасеньем себя и других, – писала Н.А. Герцен к Тучковой об этом времени почти через год (...), – тут я звала тебя к детям” (п. 6).

Наталья Алексеевна не могла исполнить просьбу подруги, т.к. она и ее семья находились в это время под негласным надзором полиции и выезд за пределы России был для нее невозможен. Обмен письмами между ними произошел лишь полгода спустя, в сентябре-октябре того же 1851 г. Это время – короткий и последний сравнительно спокойный период жизни Н.А. Герцен. Прошло немногим более двух месяцев после встречи Герценов в Турине, которая принесла обоим радость сознания неразрывности их душевной близости и уверенность в прочности их семейного союза. И письмо Н.А. Герцен (п. 5) по тону спокойное. Но в подтексте его глубокая тоска. Основная тема его – мечта о дружбе, которая боится вновь оказаться иллюзией: “Пусть верится, пусть хоть одна любимая мечта переживет меня, хоть один цветок на могиле... а то все кипарисы, кедрсы... о мудрость! (...) не прибавляйте вы мне ума, останьтесь моим милым заблуждением”. “Людей мы видим мало, и это все чужие, да уж полно, есть ли родные-то! Да и были ли когда?.. ведь это юность раскрашивает и греет (...) а с жизнью и увидишь, что оно бледно и холодно. А все-таки бы вас хотелось! Авось ли б не мечта?” Глубокий душевный надлом ощущается в каждой строке этого письма, и даже в строках, посвященных семье: “Семья, это несколько существований, слитые в одно, полное, целое, отделенное от всего остального, *кажется*, и жить, и умереть должны вместе, и все, все вместе. В семье теряешься и не ищешь себя, она удовлетворяет, и чем дальше в жизнь, тем более удовлетворяет, так спокойно, так верно в ее пределах. Но все же свое я нет, нет – и дохнет своею жизнью *au delà*^{65*} этих пределов – вот тут-то и нужен ответ, родная грудь”. Эти слова в “послетуринском” письме Натальи Александровны – горестное свидетельство того, что для нее возвращение в семью в это время было залогом только спокойствия, но не счастья. Ее я все-таки не вмещалось в пределы семьи, которая рисуется здесь не как необходимое условие *обретения* полноты счастья, а скорее как препятствие, стесняющее и *сковывающее* мечту о нем¹⁴. И не случайны в письме слова: “Как голова горит, ломит грудь, разлился бы весь, весь жгучими слезами в письме к вам...” Встреча и “второе венчание” в Турине, при всей важности его для обоих супругов, не стерло страдания и не смогло изгладить его из души.

Новая страшная катастрофа окончательно подорвала силы Н.А. Герцен: 16 ноября погибли Коля и Л.И. Гааг. Следующее – и последнее из публикуемых здесь писем – послано два месяца спустя. Оно полно уже ничем не сдерживаемого трагизма. После горьких слов о гибели сына, которая повлекла за собой ее тяжелую болезнь, Наталья Александровна переходит к исповеди – первой и единственной ее исповеди в письме, раскрывающем трагическую историю ее любви, но адресованной не мужу и не Гервегу. В письме она объясняет целесообразность разговора об этом тем, что “злой демон” (Гервег) именно теперь возобновил против Герценов свои “адские козни”. Внутренне же потребность исповеди диктовалась, видимо, предчувствием близкой смерти. Она не хотела, чтобы Огаревы поверили “ложным слухам”, и считала необходимым все рассказать сама. Тон этого письма по отношению к Гервегу однозначно разоблачительный. “Я была в лапах дьявола” – вот вывод, к которому в итоге всего пережитого приходит она. Этому дьявольскому наваждению противопоставлена любовь Герцена, которая являлась ей “впервые во всей неизмеримости своей”. Свое состояние того времени она называет “безумием”: “Я была вне себя, потеряна, отрезана... ни одной мысли ясной, все существо потрясено”. Имя Гервега в письме не названо, но супруги Огаревы знали его оба, и Наталья Александровна могла думать, что им нетрудно догадаться, о ком речь¹⁵.

Это письмо очень важно, как итоговая интерпретация пережитой драмы, сформулированная ее главной героиней. Такая интерпретация сложилась в ее сознании не сразу. На предшествующих этапах, как известно, были и упреки мужу¹⁶, и всплески нежности по отношению к Гервегу даже после разрыва¹⁷, и сознание своей правоты – в некотором высшем смысле этого слова – во всей этой сложной ситуации¹⁸.

Правда, и в этом письме есть несколько неожиданные слова о том, что она вышла из борьбы “довольнее” собой и что лишь “доля” гордости заменилась в ней смиреннем. Но в целом это письмо – отчаянный крик запоздалого раскаяния, не оставляющий сомнения в том, что Наталья Александровна ушла из жизни, понимая, сколь глубока была ее ошибка и сколь огромна боль, причиненная ею мужу, душевные раны которого она “осязала, как апостол Фома”. Вера в его любовь, прошедшая за годы их совместной жизни через столько кризисных моментов, смогла быть окончательно утверждена в ее душе только страшной ценой разбившейся жизни.

^{65*} поверх (франц.).

Письмо кончается призывом: “Я *хочу* жить. Если ж умру, замени, моя *N(atalie)*, меня при детях, сколько можешь. – А ты, *O(гарев)*, брось все для *A(лександра)*”.

Огаревы в силу обстоятельств смогли откликнуться на этот призыв лишь через четыре года. Их приезд в Лондон в 1856 г. открывает в жизни Герцена новую драматическую страницу, начало которой было осуществлением воли его первой жены. Но “заменить” Наталью Александровну при детях Н.А. Тучковой-Огаревой, как известно, не удалось, и ее появление в доме Герценов не принесло благополучия его семье.

В настоящий момент нам известно 26 писем Н.А. Герцен к Н.А. Тучковой. 19 из них, в автографах, хранятся в РГБ (ф. 69.9.255–271, 273, 274), одно письмо сохранилось в копии рукой Е.С. Некрасовой (там же, 275) и одно в копии Герцена (там же, 276). Кроме того, в *ВН* хранятся письма Н.А. Герцен к Н.А. Тучковой в копиях, сделанных рукой последней. Фотокопии с них находятся в РГБ < (ф. 69.22.31). Их 25. Они включают в себя все названные выше письма, за исключением того, которое сохранилось в списке Е.С. Некрасовой. Таким образом, 20 из 25 писем этих копий первоисточниками текста не являются. Но там находится 5 писем, которые ни в автографе, ни в других копиях до нас не дошли.

Все 19 писем, сохранившихся в автографах, и письмо, скопированное Герценом, были опубликованы в 1915 г. М.О. Гершензоном в “Русских пропиях”¹⁹ и в настоящую публикацию не вошли. Здесь публикуются 6 писем: не публиковавшиеся ранее 5 писем из копии Тучковой и письмо, сохранившееся в списке Некрасовой. Таким образом, все 26 дошедших до нас писем Н.А. Герцен к Тучковой теперь известны исследователям.

Следует сказать, что п. 6 настоящей публикации, имеющее в тексте вставку Герцена, сохранилось не только в копии Тучковой, но и в переводе на французский язык, выполненном неустановленным лицом (*РГБ*, ф. 69.22.32). Но этот французский текст явно вторичен по отношению к русскому оригиналу²⁰ и в данной публикации не воспроизводится. Когда, кем и для какой цели был выполнен перевод – установить не удалось.

Публикуемые письма ни в 30-томном Собрании сочинений, ни в “Летописи жизни и творчества А.И. Герцена” не зафиксированы²¹.

Отметим, что в п. 6 одна строка вписана Герценом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹См. выше, с. 656.

²*Тучкова-Огарева*, 56–57.

³Ср. письма Тучковой к Н.А. и Герцену в кн. 2-й наст. тома.

⁴См. выше.

⁵Ср. в письме Н.А. к Астраковой: “Я безумно люблю Натали” (п. 91).

⁶*Н.А.* – Герцену (п. 91).

⁷*Н.А.* – Астраковой (п. 76).

⁸Ср. письмо Тучковой к Н.А. от лета 1849 г.: “Вот скоро год, что мы с вами не видались; помните, как мы расставались, я не знала, как пережить этой разлуки, как вас любить спокойнее” (*РП* IV, 93).

⁹Письмо печатается в кн. 2-й наст. тома.

¹⁰См. вступительную статью к публикации писем Н.А. к Астраковой.

¹¹Письмо к Н.А. Тучковой от 8 ноября 1849 г. (*РП* I, 252).

¹²Там же.

¹³См. прим. 5.

¹⁴В письме к жене от 22 июня 1851 г. Герцен оценил пассаж из ее письма о любви к детям и о святости воспитания как “удаление” от него и желание “занять” себя (XXIV, 188).

¹⁵Натали не была уверена, что речь шла именно о Гервеге: “Ты опечален, что мы не догадались, кто твой враг, – писала она Герцену после смерти его жены. – Я угадывала его по своей антипатии. Видя вас в таких близких отношениях, я почти не выражала чувства, которое он пробуждал во мне, я боялась вас оскорбить. Он мне не нравился, казался трусом, но я от него не ожидала злодейства” (*РП* IV, 131).

¹⁶См. в наст. кн. письма Н.А. к Герцену (п. 12, 26, 32 и др.).

¹⁷См. обзор Л.Р. Ланского “Письма Н.А. Герцен к Гервегам” в “Лит. наследие”, т. 64, с. 259–318.

¹⁸“Чиста перед тобой и перед всем светом”, – утверждает она в письме к мужу от декабря 1849 г. (наст. кн. Н.А. к Герцену, п. 12); “Раскаяния у меня нет, друг мой, в чем же?” – пишет она ему же через полтора года (там же, п. 37).

¹⁹*РП* IV, 241–268, 270–273, 276.

²⁰Во французском переводе есть пропуски, а также вставка переводчика, явно позднейшего происхождения.

²¹См. в кн. 2-й наст. тома 8 писем Тучковой к Н.А. и Герцену 1848–1849 гг. (публикация Л.Р. Ланского).

⟨Женева.⟩ 13 ⟨1⟩ ноября 49 г.

Как давно уж я сердилась, скучала и досадовала, что нет от вас вести, хоть бы стороной узнать. Ну, вот, наконец, сегодня, 13-е ноября – твои строки. О(гарев), и твое письмо, Natalie¹. О моя Natalie, как я глупо люблю тебя – но ведь в жизни только и хорошего, что глупость; умных так много, так много, – а безумных и беспутных, как ты – и... я... мало, да почти только ты одна, оттого я так и люблю тебя, оттого мне и хорошо с тобой. Мужья наши тоже довольно беспутны... но женская натура сильнее, крепче, *они double extrait* one triple**, они как-то разжижены, того и сего в них, то и се хорошо, но они распыляются, а женщ(ины) сосредоточиваются, становятся едче. Право, иногда дивишься, как это не сожгло, не превратило тебя в прах до сих пор то, что внутри?..

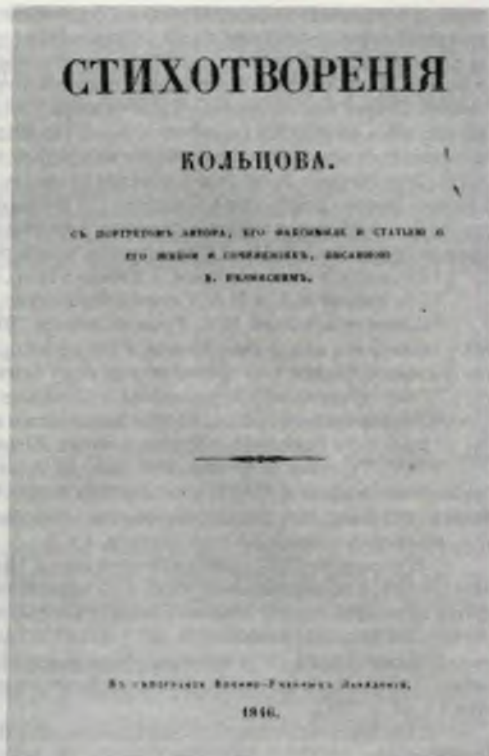
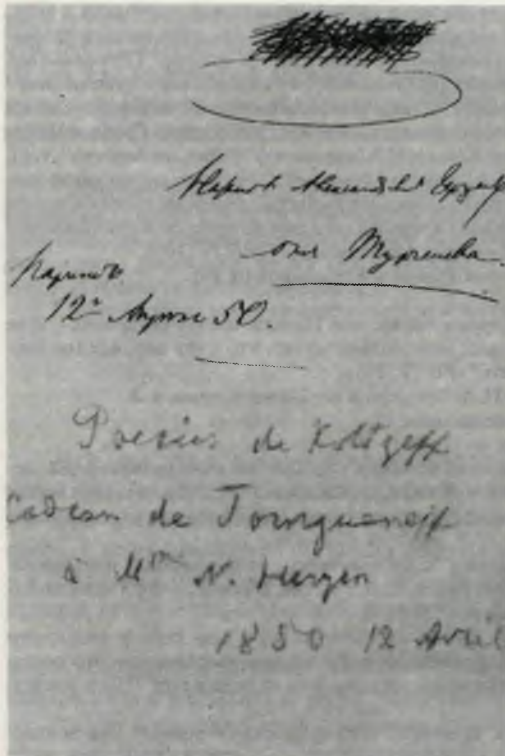
У меня нет твоего портрета², но я часто, очень часто думаю о тебе, часто мне нужно тебя: дети все под надзором, играют, веселятся, довольны, *они* за стаканами или за бутылками *забыли о нас* (иначе я не свободна в душе), а мы с тобою, скорым шагом куда-нибудь в лес... утро или вечер, все равно, только лишь бы тепло (*le froid me rend malade**). И тут, моя Наташа, я бы свела тебя в подземелье души моей и показала бы все пытки, через которые проходила она; раскрыла бы все заживающие, зажившие и живые раны... на это много не надо, каждая мысль, каждое чувство рана, пытка. Мне кажется, *никто* мне так не сочувствовал бы. А может, и ничего бы не сказала, может, мы перестанем любить друг друга, как будем вместе... страшно, как вспомнишь, как любил и как бежал с ужасом того, что любил... ну, пусть и с тобой разойдемся завтра, меня не касается, я с бешенством, руками и зубами держусь за настоящий миг, и если вырвется то, за что держишься так, оно вырывает и уносит с собой клочки сердца, и надолго так его не станет, ну, так и не беда.

Я не могла понять вашего путешествия из Уч-Ч(ума) в Яхонт(ово), зачем?.. И, разумеется, вы должны быть там, как рыбы на льду. Да и им, как бы ни любили они вас, неловко должно быть с вами³. Пиши мне, Натали, все мелочи, *все* хочу знать о тебе. А об Hé!ène я говорила всегда, что при малейшей перемене жизнь ее пойдет, как по маслу⁴. Получила ли она мое письмецо через М(арию) Ф(едоровну)?⁵ К твоему письму: ты должна мне отчет? ты взяла на себя счастье О(гарева)? Хорошо ли ты жила вообще?.. Бред, друг мой, пустяки, детский лепет! *ты была, что ж больше*. Довольно ли ты сделала счастливым О(гарева)? Да если *тыо существование* не делало его счастливым, как же ты сделаешь его счастье?⁶ Впрочем, я думаю, что он нашел в тебе все, что можно искать в жизни. – Ты стала хуже – это хорошо. Твое равнодушие к людям, я думаю, не так велико, как мое, потому что ты столько же любишь лягушку, а я лягушку люблю больше, кроме некоторых, а этих некоторых так мало – и то в любви к ним есть моление: не заставьте разлюбить себя! – Совершающаяся история – давно совершившаяся для меня, я вижу за столетия вперед, стало, и тут нет интереса. Детей я люблю очень, их прошедшее, настоящее и будущее интересуют меня очень. – Когда я прочла Саше, что ты пишешь о нем (разумеется, пропуская то, что он лучший ребенок в свете) – у него навернулись слезы, только в ту же минуту стал прыгать и кривляться, вот он весь тут. Коля начинает говорить, это меня бесконечно радует. Наташа, я думаю, будет похожа на тебя. Георг похож на тебя; зол, несносен и ревнив, как ты⁷. Он теперь иначе не зовет людей как лягушками. О(гарев) должен ему написать по-русски письмо. Что значит, что ты говоришь: “Не знаю, что будет со мной, неизвестность хуже всего” – не понимаю, объясни. Моя любовь, или, лучше, мое пристрастие, к тебе и Георгу – моя лебединая песнь, я не говорю об Ал(ександре). Боже, это я сама, об нем глупо говорить, еще бы уверять, что я люблю себя; с окончанием пристрастия моего к вам – конец моей жизни, т.е. меня можно будет употреблять, как мешок, как стакан или другую посудину какую – и

66* двойной экстракт (франц.).

67* тройной (франц.).

68* от холода я становлюсь больной (франц.).

ЭКЗЕМПЛЯР "СТИХОТВОРЕНИЙ КОЛЬЦОВА" (СПб., 1846),
ПОДАРЕННЫЙ И.С. ТУРГЕНЕВЫМ Н.А. ГЕРЦЕН

Титульный лист и форзац с дарственной надписью: "Наталье Александровне Герцен от Тургенева. Париж, 12-го Апреля (18)50". Ниже рукой Л. Риста: "Poésies de Koltzoff. Cadeau de Tourgueneff à M-me Herzen 1850 12 Avril" ("Стихотворения Кольцова. Подарок Тургенева г-же Герцен 1850 12 Апреля")

Музей Герцена, Москва

только. Ах, кстати, учись быть s(age)-f(emme)^{69*}, ты мне будешь нужна в июне⁸, приезжай попробовать свое искусство, а, право, я поверила бы тебе себя скорей, чем кому другому, приезжай же, я жду.

Всех интересуют выборы⁹, все бегут узнать, та или другая лягушка будет президентом, а для меня (господи, прости мое прегрешение!) – все они – лягушки, одно...

О Тургеневе довольно, он мне надоел, как горькая редька, не унижая нисколько его личности, – я имею большую антипатию к нему, вид его, как вид гроба, мешает мне чувствовать живо, я сейчас вяну с ним¹⁰.

А что мой чудесный О(гарев), что мало пишут о нем? В нем я люблю все без разбора. А мысль недурна, чтоб вздохнуть и отдохнуть вместе¹¹.

Получили ли вы наши письма с припиской Георга?¹² отвечайте. А хорошо бы было в домике, который хочет выстроить О(гарев)¹³, как бы мы валялись по полу... да что ни говори, это было бы, будет краеугольный камень, на котором создастся новая жизнь¹⁴.

¹ Письмо Огарева от 23/11 октября 1849 г. (см. "Лит. наследство", т. 61, с. 794–795). Письмо Н.А. Тучковой неизвестно.

² О страстном желании Н.А. иметь портрет Тучковой см. выше в ее письме к Астраковой (п. 85).

³ В конце сентября 1849 г. Огарев и Н.А. Тучкова вернулись из Крыма в Яхонтово. Наталья Алексеевна в "Воспоминаниях", рассказав о своей болезни в Крыму, так объясняет причину возвращения: "Я

^{69*} повитухой (франц.).

выздоровела, медленно поправляясь и, быть может, от слабости впала в ностальгию, – я только и думала о моей семье, о свидании с нею... Огарев был глубоко потрясен моим душевным состоянием и решил ехать обратно в Яхонтово, тем более что в то время невозможно было ехать за границу” (Тучкова-Огарева, 82). Но положение невенчаных супругов создавало для Огаревых ряд сложностей в отношении с семьей. Огарев писал Герценом 23/11 октября: “А(лексей) А(лексеевич) очень хорошо поступает, но все же мне здесь unbehaglich (неуютно – нем.). Поспешь ты сюда хоть весною (...) А вообще Сатин и Hélène производят на меня впечатление более unbehaglich, чем А(лексей) А(лексеевич)” (“Лит. наследство”, т. 61, с. 794–795). Наталья Алексеевна, отвечая на письмо Н.А., тоже сообщала ей: “Вы очень справедливо удивляетесь нашему прибытию в Яхонтово (...) В Крыму было свободнее дышать, здесь всем неловко, но что же делать, надо снести это хладнокровно, мне очень жаль О(гарева); он к ним не привык; я причиною его неловкого положения. Папа был, впрочем, очень рад нашему возвращению” (РП IV, 103).

⁴ См. выше в наст. кн. прим. 3 к письму Н.А., адресованному Астраковой (п. 84).

⁵ Это письмо Н.А. к Е.А. Сатиной неизвестно.

⁶ В ответном письме Н.А. Тучкова писала: “Вы правы также, моя Натали, насчет О(гарева). – Я не могу сделать его всегда счастливым, я это не оспаривала, меня только мучит, что с тех пор, как мы вместе, он много должен был претерпеть за нашу близость” (РП IV, 103).

⁷ Ответную реплику Тучковой см. в ее письме к Н.А. без даты в кн. 2-й наст. тома, п. 8.

⁸ Эта беременность Н.А. Герцен закончилась выкидышем.

⁹ Выборы в Народное собрание кантона Женева.

¹⁰ И.С. Тургенев подружился с Натальей Алексеевной во время пребывания ее за границей. Ей посвящена написанная в 1848 г. комедия “Где тонко, там и рвется”. Отношения Н.А. с Тургеневым всегда были отчужденно-холодными. См. об этом подробно в комментариях к письмам Тучковой, адресованным Н.А. и Герцену в книге 2-й наст. тома (п. 1 и 3).

¹¹ В письме от 23/11 октября Огарев писал: “Я более и более чувствую – по положению, и по движению штудий, и по внутреннему горю, и по жаркой любви к тебе, саго, и к тебе, Наташа, – что я могу вздохнуть и отдохнуть хорошо только с вами” (“Лит. наследство”, т. 61, с. 794).

¹² Эти письма неизвестны.

¹³ Огарев писал 23/11 октября: “Черт знает с чего, однако, бывают минуты уверенности, что когда-нибудь с вами я себе выстрою домик, где будет хорошо и нам и детям нашим из рода в род” (“Лит. наследство”, т. 61, с. 795).

¹⁴ Под текстом письма – позднейшая пометка Н.А. Тучковой: “Тут приписка Г(ерцена)”. Эта приписка неизвестна.

2

(Париж.) 8 февраля (28 января 1850 г.)

Слишком много есть сказать вам, Natalie, и ты, О(гарев)! Поэтому я ничего не скажу. Умоляю, где вы, что вы? Это страшно жестоко, не написать хоть слово, столько времени! Аль вы поверили снова в будущую жизнь? А мне каждый день кажется последним, и потому пишется, пишется, пишется! Один звук, один крик, одну черту вашей рукой!! Аль ты разлюбила меня, Natalie? А если нет, так как же ты не знаешь, как я хочу знать о тебе – это недостойно! – Так и я не напишу же ничего. Знай только, что я люблю тебя и страшно мучаюсь тем, что ничего не знаю о тебе. Обнимаю тебя крепко, так крепко, чтоб было больно. А ты отомсти за меня, О(гарев).

Твоя Natalie

Не окончив последнего письма к тебе – я сделалась больна. И мне уже не нужно больше твоего искусства, Natalie¹.

¹ См. прим. 8 к п. 1.

3

Ницца. (Конец июня – начало июля н. ст. 1850 г.)

Я рисовать не умею, но, переехавши в эту деревню, я так много думала о тебе, моя Natalie, особенно чертвивши на этом листке, что он сделался твоей собственностью и я не могу не послать его. Самое лучшее в нем то, чего не видно, но, может, ты почувствуешь его. Листок этот был гораздо больше, но остальную часть я пришлю, когда узнаю, что получила это². Вспоминаешь ли ты так же часто, как я, наши прогулки, беседы? во мне так все живо – помнишь вечер в Сорренто, катанье по до-

роге в Рим? темная аллея в Париже? Странное существо человек, то вмещает в себе всю пустоту отчетливо, всю ничтожность, всю суетность, и страшно страдает от этого, то, как маленький ребенок, тешится светлой минутой в воспоминании, и на минуту очарованность его так (велика?)^{70*}, что кажется, будто и все светло и полно смысла. Зачем ты пишешь так легко, мимоходом?

¹ Печатается по копии Е.С. Некрасовой. На обороте ее надпись: "Это копия с письма Натальи Александровны Герцен к Н.А. Огаревой, тогда еще Тучковой, написанного на оборотной стороне карандашного наброска с Ниццы, сделанного рукой Н.А. Герцен. Набросок карандашом подарен Н.А. Огаревой для комнаты людей 40-х годов в 1903 г. декабрь". Датируется по упоминанию о прибытии в Ниццу, куда Герцены приехали 23/11 июня 1850 г.

² Местонахождение этой части листа неизвестно.

4

(Ницца. Март-апрель и. ст. 1851 г.¹)

Дай мне руку, Natalie, и послушай меня: с тех пор как ты не имела от меня вестей – я все так же любила тебя, мне было часто нужно тебя, но писать тебе я не могла. Послушай, я вынесла страшную болезнь, от которой чуть не умерла²; оправившись, я вспомнила, что обещала тебе на прощанье увидеться с тобой через три года – и собралась ехать к тебе³. Но все мне говорят, и сама я вижу теперь, что мне не доехать до тебя – так приезжай ты ко мне. Ты мне теперь необходима. Несмотря на то, что хочу и что мне нужно жить – легко может быть (так мне кажется), что я скоро умру. Мне многое нужно устроить – ты мне pomoжешь; и что останется неустroенным, я не могу никому поручить, кроме тебя, моя Natalie! Приезжай. Не сделать этого – было б великий грех против той симпатии, которая связала нас с первой встречи и которая, я верю, – неразрывна до гроба. А может, и после гроба? обратный скептицизм! Если у тебя нет денег – у пажа есть⁴ – да найдешь где-нибудь – займи, я заплачу. Других препятствий не должно быть⁵.

Пиши сию минуту ответ. Через Т(атьяну) А(лексеевну).

¹ Датируется предположительно по упоминанию об этом письме в письме Астраковой к Н.А. от 22/10 мая 1851 г. (см. в наст. книге письма Н.А. к Астраковой, прим. 7 к п. 91). Письмо, вероятнее всего, было написано весной этого года, вскоре после разрыва с Гервегом. Ср. письмо Н.А. к Гервегу того времени: "Дай же мне время привести все в порядок, чтобы найти кого-нибудь, кто мог бы меня заменить (...) Я найду, быть может; я увижу Натали, а если она не сможет – у меня есть другие подруги..." ("Лит. наследство", т. 64, с. 310).

² О болезни Н.А. в этот период нет никаких сведений. Очевидно, имеется в виду острый душевный кризис, переживаемый ею в это время.

³ 23 февраля Н.А. писала Гервегу: "Я была одинока – одинока – одинока – я собиралась уехать в Россию, мне нужно было повидаться с Натали, единственным существом, с которым я могла бы поговорить, которое поняло бы – мне кажется, что она поняла бы все в истинном виде, во всей чистоте – мне надобно было рассказать все, ибо я не хочу умереть, не рассказав; я была уже готова, Александр искренне мне помогал в этом, но материальные препятствия остановили меня" ("Лит. наследство", т. 64, с. 305).

⁴ Н.А., вероятно, имеет в виду, что Сатин был должен Герценам крупную сумму и мог выдать деньги на поездку Тучковой в счет уплаты части этого долга. ("Пажом" Н.А. в шутку называла Елену, ставшую к этому времени женой Сатина).

⁵ О причинах, по которым Тучкова не могла в то время приехать в Ниццу, см. в наст. кн., письмо Н.А. к Астраковой (п. 91 и 8-е прим. к нему).

5

(Ницца. Конец сентября – октябрь и. ст. 1851 г.¹)

И вы у нас одни!.. и хоть и мы тоже страшно переменялись – между нами ничего не переменялось². Ваш образ наяву и во сне не покидает нас, в бледные дни бледно, смутно носится перед глазами, а чем ярче минута, сладкая или горькая, тем и он ярче выступает. А разлука-то, как море, пьешь, пьешь – все не убавляется, иногда

^{70*} Слово в копии Некрасовой пропущено. – Ред.

вовсе отчаиваешься, иногда приободрисься и, закрыв глаза, начинаешь снова глотать большими глотками – выбьешься из сил, сядешь на берегу, смотришь, смотришь – безмерно! безответно!..

Неужели все то, что стремится к вам, – потонет в этом море без следа??

Семья – это несколько существований, слитные в одно, полное, целое, отделенное от всего остального; кажется, и жить, и умереть должны вместе, и всё, всё вместе. В семье теряешься и не ищешь себя, она удовлетворяет, и чем далее в жизнь, тем более удовлетворяет, так спокойно, так верно в ее пределах. Но все же свое я нет нет, и дохнет своей жизнью au-delà^{71*} этих пределов – вот тут-то и нужен ответ, родная грудь, чтоб не потерялся бессмысленно в бесконечном иль не возвратиться на себя. В молодости ответа ждешь от всего, я его жду, наконец, только от вас. Иль и это слишком юно?? Вопрос этот приходит иногда мне в голову, и свидание с вами сделается так страшно, что я не желаю его. Пусть верится, путь хоть одна любимая мечта переживет меня, хоть один цветок на могиле – а то все кипарисы, кедры... о мудрость, мудрость! Люблю ее, и мысль люблю, и науку люблю, mais je suis trop sage^{72*}, не прибавляйте вы мне ума, останьтесь моим милым заблуждением!

Как голова горит, ломит грудь, разлился бы весь, весь жгучими слезами в письме к вам...

Эти строки дойдут до вас, может, холодными, странными...

Может, я и не пошлою их, пока прощайте.

Хоть бы чувствовалось в этой дали горячее рукожатье – ведь изобрели же телеграф, иль одной материи только возможно всё?

Сил нет сразу начать и кончить письмо, и как послать?..

Та страничка писана недели две тому назад, все думалось, как бы побольше уложить себя в письме, да нет, трудно; главное, знаете, живы, не больны, хорошего только и есть здесь для нас, что природа да дети; они приносят отраду и успокоение, не то чтобы думали для них сделать необыкновенное, а довольно иногда посмотреть на их благородные лица. Я тоже, моя N(atalie), большую часть времени отдаю им, хоть и не делаешь для них иногда ничего, но так занят ими, что ничего другого не делается³. – Людей мы видим мало, и это все чужие, да уж полно, есть ли родные-то? Да и были ли когда? – ведь это все юность раскрашивает и греет так, все встречающееся нам, а с жизнью и увидишь, что оно бледно и холодно. А все-таки бы вас хотелось! Авось ли б не мечта?.. Погулял бы с вами в этом чудном крае, посмотрел бы из окна – показал бы вам семью, она очень хороша. Ведь ты дитя мое, N(atalie), люби меня, тебе нехорошо будет, если разлюбишь. Да вот что, пиши все маленькие вздорные подробности о себе, от них так становится тепло, так дома – в небесах...

Микроскоп кланяется⁴, я его люблю и уважаю; нынешнее лето, занимаясь физиологией, беседовала с ним весьма много, по целым дням, почтенная особа, да с ним как-то и воспоминание о вас неразлучно. – Живучесть человека велика иногда до возмутительной степени, представь себе, N(atalie), после удачного опыта в рисовании, который я тебе посылаю⁵, – я взяла несколько уроков – изучай человека! И рядом с этим скорбь о всемирном, о частном.

Ну, прощайте – обнимаю вас – вот так – тебя, и тебя – ну, да будет вам хорошо. Пишите, письмо великое дело, недели живешь им. Семья от мала до велика тоже обнимает вас – ах вы дорогие!

А что паж! Мне приятно бы было написать ему, но не знаю, нужно ли.

Я дала себе слово не написать ни одного письма ни к кому, не попросивши рус-(ских) книг или не упрекнувши за то, что не посылают, пятый год я прошу, и ни одной книги⁶.

Иной раз хотелось бы даже знать, где m-lle Michel⁷, это уж просто старость.

15 окт(ября)

И еще посвежее и потеплее рукожатье.

^{71*} поверх (франц.)

^{72*} но я слишком умна (франц.).

¹ Приблизительная дата устанавливается по содержанию.

² Ответ на реплику Огарева в письме от августа-сентября 1851 г.: “Между нами ничего не переменялось и не переменится, и если вы из написанных здесь строк поймете, сколько я вас люблю, то посвятите мне горячую и грустную минуту воспоминания. Ведь вы у нас одни, которых мы любим и можем назвать своими” (“Лит. наследство”, т. 61, с. 795).

³ Ответ на приписку Н.А. Тучковой к процитированному выше письму Огарева: “Хотя Еленина Тата ужасно милый ребенок, все же от таких маленьких существ невольно делается скучно; притом Елена с ними нянчается страшным образом (...) Что дети? Право, я их ужасно люблю, готова делить с ними время, только так жертвовать собой, как Елена, я не в состоянии, все же хочется учиться, читать, пожить для себя” (там же, с. 796).

⁴ Микроскоп был заказан Герценом по просьбе Огарева.

⁵ Что за рисунок послала Н.А. Герцен в этом письме, – неизвестно.

⁶ Н.А. Тучкова писала в ответном письме: “Через Т(атьяну) А(лексеевну) послала тебе книгу, назад мне прислали” (РП IV, 128). Астракова в письме от 1 января 1851 г. н. ст. так объяснила это: “Мне прислала книгу Natalie для передачи тебе! Какая ты бестолковая; неужели бы я давно не прислала тебе книг, если б это было в моей воле. Ведь я же тебе несколько раз писала, что за это было взялся Т.Н. Грановский, и то с тем, что когда удобно будет, ну, а мне все говорят, что мне этого ни за что сделать нельзя. Ну что ж тут прикажешь делать? Я и сижу да все и спрашиваю всякого – как бы это сделать – и один ответ – никак нельзя-с... ну, поняла? Уж, конечно, я бы тебя давно утешила этим, да вот что хочешь – нельзя да и все. Мне раз как-то сказали, что ты скорее сама можешь это устроить, адресуясь к какому-нибудь тамошнему книгопродавцу – отчего ты этого не попробуешь?” (РГАЛИ, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 589, л. 13).

⁷ Н.А. Тучкова писала в ответном письме: “Наша наставница у Трубецких во Флоренции (...) Она, вероятно, воротится к нам или в Москву” (РП IV, 128).

ИГОЛЬНИК, ПОДАРЕННЫЙ КОЛЕЙ ГЕРЦЕНОМ МАТЕРИ

На одной из прикрепленных к игольнику пластинок выжжено: “Mama Duschka” (“Мама Душка”); на другой – надпись рукой Герцена: “Тате 16 ноября 1857” (сделана в день шестой годовщины гибели Коли)

Музей Герцена, Москва

6

(Ницца.) 21 фев(раля) 1852 г.¹)

Сию минуту твое письмо, моя N(atalie), оно принесло мне невыразимое утешение². Да, друг, я измучена, с ноября я не жила³. Нет сил касаться до этого – чувствуешь ли ты, я жмусь к тебе, я прячу мою голову в твоих коленях... с ноября я не могла свести глаз с моря, а вид этой открытой, бесконечной могилы утягивал с каждым мгновением из меня жизнь, охоту жизни, самый инстинкт жизни – несмотря на то, что даже физически я не принадлежала себе уже два месяца; это кончилось болезнью, в которой доктор не отвечал за жизнь. Теперь 8 недель, как я в постели, силы возвращаются по капле, и не знаю, когда встану. – Нужно поговорить с вами, а не могу за раз много.

22 (февраля) Я почти никогда не знаю, получены ли мои письма тобою, и от тебя так редко вести, что останавливало и останавливает меня писать к тебе, особенно писать от *всей души*; а мне это было так необходимо, я задыхалась... Помнишь, в прошлом году я собралась к вам ехать?⁴ О, как я рвалась к вам, на вашу грудь, ведь вы у меня после Ал(ександра) первые, может, и последние – не знаю; я рвалась спросить вас, други! скажите мне, что ж я?.. Скажите мне, что мне, жить или умереть?

Так я была вне себя, потеряна, отрезана... ни одной мысли ясной, все существо потрясено – одно мне было ясно, об одном не спросила бы я вас, это – любила ли я А(лександра), – сквозь все безумие, сознание, иногда безотчетное, одного кровообращения с ним, как с сросшимся близнецом, не покидало меня. Вам не нужно этому верить, вы это знаете, вы знаете меня.

Великое испытание – из жизни ль вытекло оно, сама ль я его вызвала – не знаю. Сердце мое открыто перед вами до дна. Все, что мне дано было в А(лександре), в детях, в друзьях, во мне самой, мне – все было мало. Несбыточные требования, фантазия, фанатизм – развитые и укоренившиеся одиноким, стесненным, закупоренным детством и юностью, – мешали мне жить в реальном мире, не давали мне улечься в берегах его; от этого ненужные страдания, блуждания, наконец, безвыходность – смерть, одна моя смерть казалась мне спасеньем себя и других (как я дошла до этого – при свиданье или как узнаю, что эти строки прочтены вами); тут я звала тебя к детям⁵, но забота о них, сознание, что уже никто их так любить *не может*, очевидная необходимость моего существования для А(лександра), его любовь, которая явилась мне впервые во всей неизмеримости своей, – заставили меня жить. Страшный сон миновал, ужасный сон, в котором при всем увлечении – *je me sentais dans les griffes du diable*^{73*}; очнувшись, успокоившись, я чувствовала одно полное, равное биение сердца с моим близнецом. Когда *он успокоится*, выздоровеет – тогда я буду любить жизнь...

24 (февраля).

Рукой Герцена:

И моя болезнь прошла – я силен и воскрес^{74*}.

Рукой Н.А. Герцен:

Почему я пишу вам об этом именно теперь – для меня оно было уже давно прошедшим, а несчастье ноября и совсем заставило забыть все это. Но злой демон выждал самую больную минуту для нас, чтоб привести в действие невообразимые адские козни, задуманные им задолго в отмщение мне⁶; – ложные слухи могли вас огорчить, потому что не только чужие, но многие из своих в заблуждении⁷. – Но из внешней борьбы выйдем целы. Внутренняя дала мне новые силы, я в ней *осязала*, как апост(ол) Фома, то, во что вера моя слабела иногда и во что она нужна была мне непоколебима. Борьба эта спаяла нас неразрывнее с А(лександром); я вышла из нее с большим знанием себя, довольнее собою, несмотря на то, что доля гордости заменилась смирением. – Рубцы на груди моей мне залог будущего счастья. Да, друзья, я юнее стала, смотрю в будущее, жду его, верую в него, лишь бы увидеться с вами! – Прощайте. Обнимаю вас. Умоляю отвечать сейчас же, хоть строчку, умоляю⁸.

Кто знает, много ль строк еще придется мне от вас читать... Но я хочу жить. Если ж умру, замени, моя N(atalie), меня при детях, сколько можешь. – А ты, O(гарев), брось все для А(лександра).

¹ Год устанавливается по содержанию (письмо написано после гибели Коли).

² Это письмо неизвестно.

³ 16 ноября 1851 г. погибли Коля Герцен, Л.И. Гаг и учитель Коли – И. Шпильман.

⁴ См. п. 4 и прим. 3 к нему.

⁵ См. текст того же письма.

⁶ 25/13 января 1852 г. Герверг прислал Герцену вызов на дуэль. О ходе событий за январь-февраль 1852 г. см. ЛЖГ II, с. 65–72.

⁷ Слухи о семейной драме Герценов в это время, очевидно, уже проникли в Россию. Н.А. Тучкова-Огарева писала Астраковой много лет спустя, вспоминая о своем впечатлении от публикуемого письма Н.А.: “Мы ничему не верили, думая, что все это сплетни, а получив это письмо, призадумались” (ГЛМ, ф. 248).

⁸ Ответное письмо Огаревых на это письмо Н.А. Герцен неизвестно.

^{73*} я чувствовала себя в когтях дьявола (*франц.*).

^{74*} Эти слова стоят во французском тексте письма в квадратных скобках, с пометой переводчика: “Ajouté par Alexandre” (“Добавлено Александром” – *франц.*).